

A 10.02.04
P-203

ԵՐԵՎԱՆԻ Վ.ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԼԵզՎԱԲԱՆԱԿԱՆ
ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

Ղարիբյան Նինա Օնիկի

ԴԵՐԱՆՈՒՆԵՐԸ ՀԻՆ ՌՈՒՍԵՐԵՆԻ XVII ԴԱՐԻ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐՈՒՄ

Ճ.02.04 – «Մլավոնական լեզուներ» մասնագիտությամբ
բանասիրական գիտությունների թեկնածուի
գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության

ՍԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ – 2009

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.Я. БРЮСОВА

Гарибян Нина Ониковна

МЕСТОИМЕНЕНИЯ В СТАРОРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVII ВЕКА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности:
10.02.04 – «Славянские языки»

ЕРЕВАН – 2009

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում:

Գիտական ղեկավար՝ Բ.Գ.Ք., դոցենտ Ի.Կ. Մանուչարյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝ Բ.Գ.Պ., պրոֆեսոր Լ.Բ. Մաթևոսյան
Բ.Գ.Ք., Մ.Յու. Սարկիսովա

Առաջատար կազմակերպություն՝ Ռուս-Հայկական (Սլավոնական) համալսարան

Ատենախոսության պաշտպանությունը կկայանա 2009 թ. հուլիսի 17-ին ժամը 11:00-ին Վ.Բրյուսովի անվան ԵՊԱՀ-ում գործող ԲՈՂ-ի 059 սլավոնական լեզուների մասնագիտական խորհրդի նիստում:
Հասցեն՝ 0002, Երևան, Թումանյան 42:

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ Երևանի Վ.Բրյուսովի անվան պետական լեզվաբանական համալսարանի գրադարանում:
Սեղմագիրն առաքված է 2009 թ. հուլիսի 17-ին:

Մասնագիտական խորհրդի
գիտական քարտուղար
Բ.Գ.Ք., դոցենտ՝

Լ.Ե. Սարկոսյան

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете.

Научный руководитель: к.ф.н., доцент И.К. Манучарян

Официальные оппоненты: д.ф.н., профессор
Л.Б. Матевосян

к.ф.н. М.Ю. Саркисова

Ведущая организация Российско-Армянский (Славянский) университет

Защита диссертации состоится 17 июля 2009 г. в 11:00 на заседании специализированного совета по славянским языкам 059 ВАК, действующего при ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова, по адресу: 0002, Ереван, ул. Туманяна, 42.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ереванского государственного лингвистического университета им. В.Я. Брюсова.

Автореферат разослан 17-го июня 2009 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
к.ф.н., доцент

Լ.Ե. Մարկոսյան

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В данной диссертационной работе исследуются местоимения в старорусских текстах XVII века, их морфологические особенности и специфика синтаксических функций.

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена тем, что исследование местоимений в историческом аспекте способствует правильному пониманию морфологических особенностей и синтаксического функционирования местоимений в современном русском языке.

Основная цель нашей работы – многосторонне исследовать местоимения старорусского языка XVII века, показать преемственность процессов, происшедших с течением времени в системе местоимений, показать, что те особенности употребления местоимений и их функционирования в тексте, которые мы наблюдаем сегодня в современном русском языке, имеют глубокие исторические корни. В соответствии с поставленной целью мы определили следующие **задачи**: 1) исследовать морфологические характеристики местоимений старорусского языка XVII века в сравнении с современным русским языком, показать, каким изменениям подверглись местоимения с течением времени: а) морфологические характеристики личных и возвратного местоимений; б) морфологические характеристики неличных, конкретно, указательных местоимений (остальные разряды местоимений отдельно не рассматриваются, так как их морфологические особенности большей частью совпадают с особенностями указательных местоимений); 2) рассмотреть особенности функционирования местоимений в тексте, их синтаксические функции: а) синтаксические функции личных и возвратного местоимений; б) роль местоимений в выражении категории притяжательности в старорусских текстах XVII века; в) роль неличных местоимений в синтаксисе сложного предложения; 3) проанализировать текстообразующую роль местоимений в языке старорусских текстов XVII века.

Объектом изучения выступают местоимения в старорусском языке XVII века.

Предмет исследования – морфологические и синтаксические особенности местоимений, их функционирование в старорусских текстах разных жанров.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что местоимения, являясь объектом многих исследований на материале современного русского языка, в историческом аспекте исследованы довольно слабо. Собственно изучению местоимений в диахронии посвящено малое количество исследований. В тех же работах, которые посвящены собственно местоимениям, изучаются морфологические характеристики местоимений, тогда как их синтаксические функции исследованы недостаточно, а текстообразующая роль не становилась предметом специального исследования. Именно по причине недостаточной исследованности местоимений в диахроническом аспекте мы попытались в своей работе, помимо описания морфологических особенностей местоимений в старорусском языке XVII века, особо остановиться на роли местоимений в старорусском предложении и в старорусском тексте.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что анализ текстов старорусских памятников XVII века разных жанров позволил выявить закономерности развития системы местоимений русского языка. Изменения в системе местоимений обусловлены проникновением в господствующие книжно-литературные традиции новых элементов, «сближением» ранее обособленных систем письменного и

разговорного языка”¹. Изменения в системе местоимений являются отражением тех процессов, которые происходили в морфологической системе русского языка в целом.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и выводы исследования могут быть использованы при написании соответствующих разделов исторической грамматики русского языка, истории русского литературного языка. Данный материал может войти в спецкурс либо в спецсеминар по исторической грамматике русского языка, истории русского литературного языка. Изложенный материал, на наш взгляд, может быть интересен и в курсе по морфологии и синтаксису современного русского языка, поскольку он показывает, что, несмотря на определенные изменения, которые произошли в ходе исторического развития в морфологической и синтаксической системе русского языка, многое из того, что мы наблюдаем сегодня в современном русском языке, имеет глубокие исторические корни.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**:

- метод сплошной выборки
- описательный метод
- сравнительно-исторический метод
- сопоставительный метод

Материалом исследования послужили тексты XVII века разных жанров: книжные (“Повесть о Тверском Отроче монастыре”, “Новая повесть о преславном Российском царстве”, “Повесть о смерти воеводы М.В.Скопина-Шуйского”, “Повесть о Марфе и Марии”, “Повесть о начале царствующего града Москвы” и др.); среди повестей, относящихся к книжным жанрам, выделяются также жития (“Повесть об Ульянии Осорьинной”, “Повесть о Соломонии Бесноватой”, “Житие протопопа Аввакума”, “Жизнеописание Елифания”, “Повесть о боярыне Морозовой”, “Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим”, “Повесть о житии Варлаама Керетского”, “Записка о жизни Ивана Неронова” и др.); повести демократической литературы, в том числе и сатирические произведения (“Повесть о Фроле Скобееве”, “Повесть о Ерше Ершовиче”, “Повесть о Шемякинском суде” и др.). Кроме того, в процессе исследования мы часто апеллировали к русскому диалектному языку, в котором часто сохраняется то, что утеряно литературным языком.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на кафедре русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета. Основные положения работы докладывались на республиканских и международных конференциях, отражены в опубликованных статьях и тезисах докладов.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографии и Списка использованных старорусских памятников XVII века. Основной текст содержит 164 страницы. Библиография насчитывает 108 наименований. Общий объем диссертации – 176 страниц.

¹ Жихарева Н.Д. Синтаксис простого предложения в языке Уложения 1649 г. и его связь с народно-разговорной речью. // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 1980, с. 29

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации и ее научная новизна, определены цели и задачи исследования, представлены методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава называется “Морфологические характеристики местоимений”. Она состоит из трех параграфов.

Первый параграф “К истории вопроса” представляет собой экскурс в историю изучения местоимений в русском языкознании. Местоимение привлекало и продолжает привлекать внимание многих ученых. Отдельные вопросы до сих пор являются спорными: это частеречный статус и состав класса местоименных слов, их положение в системе частей речи и специфика значений и некоторые другие.

Во **втором параграфе** “Морфологические характеристики личных и возвратного местоимений в старорусских памятниках XVII века” рассматриваются морфологические особенности личных и возвратного местоимений старорусского языка XVII века, приводятся различные гипотезы относительно того, как в современном русском языке укрепилась та или иная форма рассматриваемых местоимений.

В памятниках русской литературы XVII века наблюдается параллельное употребление старых форм личных местоимений, употребляющихся по традиции, и новых форм, которые проникают в язык текстов из живого языка. Так в памятниках исследуемого периода наблюдается употребление трех форм личного местоимения 1-го лица единственного числа: старославянской формы *азь*, древнерусской *язь* и формы *я*, которая уже в XVII веке была свойственна живому языку, поэтому она является основной формой личного местоимения 1-го лица в именительном падеже единственного числа в памятниках светской, демократической литературы, то есть в памятниках, отражающих живую речь эпохи.

Старая форма родительного-винительного падежей единственного числа личных местоимений с конечным *-е* (*мене, тебе*) сосуществует с новыми формами на *-’а* (*меня, тебя*), причем обе формы могут сосуществовать даже в пределах одного предложения: *Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: “Послушай мене, боже! Послушай мене, царю-небесный-свет, послушай меня!”* (“Житие протопопа Аввакума”).

В старорусских памятниках XVII века все еще можно встретить старые древнерусские формы дательного-местного падежей единственного числа личного местоимения 2-го лица и возвратного местоимения *тобе, себе*, несмотря на то, что последние вытесняются из языка в течение XVI века. Интересно отметить, что формы с *е* и с *о* в памятниках иногда сосуществуют даже в пределах одного предложения: *...как жеребец, нив воду, да воротитца от воды назад и тебе б ево тут ухватить, а не ухватиши тут, как жеребец от воды назад пойдет, и тебе ево не видать.* (“Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залазоревиче”).

В качестве причин возникновения новых форм винительного-родительного на *-’а* и форм дательного-местного с корневым *е* выдвигались разные гипотезы. Нами приводятся точки зрения Н.Н.Дурново, А.А.Шахматова, В.В.Иванова, П.С.Кузнецова, В.В.Иванова, М.А.Гадолиной, П.Я.Черных, В.И.Собинниковой и других.

Интересной особенностью личных и возвратного местоимений старорусского языка являлось наличие двух рядов форм дательного и винительного падежей

единственного и множественного числа: полных и кратких (*мъне, ми; тебе, ти; собе, си; намъ, ны; вамъ, вы; мене, мя; тебе, тя; себе, ся; нас, ны; васъ, вы*). Краткие формы являлись энклитическими, то есть не имели самостоятельного ударения, примыкая к предшествующему слову. В языке XVII века энклитические формы, несомненно, уже были архаизмом, но их употребление все еще наблюдается в книжных памятниках, например, в житийных произведениях. Обычно краткие формы употреблялись без предлога: *...господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя, грешнаго, дай ми лов днесь какой ни буди, и аз ти, грешный, на сем острове поставлю крест...* (Жизнеописание Епифания¹).

Возвратное местоимение в плане своих морфологических характеристик примыкает к личным. Если принять во внимание отсутствие у возвратного местоимения формы именительного падежа, то все остальные его падежные формы в старорусском языке, как и в современном русском, были тождественны формам личного местоимения 2-го лица единственного числа. Однако здесь отдельного рассмотрения требует энклитическая форма возвратного местоимения *ся*, которая, в отличие от всех других энклитических форм местоимений, сохранилась в современном русском языке.

Наиболее частотным значением, которое выражается краткой формой возвратного местоимения в старорусском языке, является возвратность. В старорусских текстах исследуемого периода преобладало слитное написание частицы *ся* (*си*) с глаголом: *Он же на ложе в тосках мечущая и биущая и стонуще и кричаще люте зело...* (“Повесть о смерти воеводы М.В. Скопина-Шуйского”). Однако подобное написание еще не было нормой, как в современном русском языке, потому что нередко встречается и самостоятельное употребление *ся*: *Что ты время сие продолжаеши и о грехах своих долго ся не каеши?* (“Сказание о куле и лисице”). Возвратное местоимение *ся* может располагаться дистантно, то есть может быть отделено от глагола или глагольного слова частицами и другими словами, в частности, местоимениями: *Обращ ясе ся Иисус и рече им...; ...разуме же свое невежество, припада, молю ти ся и еже от тебя помощи прося...; ...он же, не вем, где, скрыл их; мнит ми ся, Никону отдал.* (“Житие протопопа Аввакума”).

В отдельных случаях фиксируется некоторая промежуточная стадия, когда в пределах одного предложения можно наблюдать и слитное написание *-ся* с глаголом, свойственное современному русскому языку, и краткую форму местоимения *ся* со значением возвратности, графически отделенную от глагола: *Щеголя бы да играл, да боялся бою и людей ся стыжу.* (“Азбука о голом и небогатом человеке”). Можно также наблюдать двойную реализацию возвратности, когда наличествует и старая норма (как энклитика), и новая форма (как постфикс): *И хотя паки и на двор выидет ... и опять ся воротится в избы влезет...* (“Слово о мужах ревнивых”).

Подобное употребление свидетельствует о том, что еще происходит процесс оформления морфологического средства выражения залоговых отношений. Что касается свободного употребления *ся* в живом разговорном языке XVII века, то П.Я.Черных отмечает, что “...в московском просторечии *ся* могло употребляться свободно еще в последней четверти XVII века”¹. Однако в исследованных нами памятниках делового и бытового характера, больше других отражающих живую речь эпохи, свободного употребления *ся* нам не встретилось. Отсутствие же свободного употребления *ся* в деловой и бытовой письменности говорит о том, что в

исследуемый период подобное употребление живому языку уже свойственно не было.

Третий параграф “Морфологические характеристики неличных местоимений в старорусских памятниках XVII века” посвящен морфологическим характеристикам неличных, а именно, указательных местоимений старорусского языка. Остальные разряды неличных местоимений в данном параграфе не рассматриваются, потому что, как уже было отмечено, их морфологические характеристики во многом совпадают с морфологическими характеристиками указательных местоимений. Данный параграф состоит из двух частей, потому что указательное местоимение *онъ*, используемое для указания на лицо, не участвующее в диалоге, мы рассматриваем отдельно от указательных местоимений *сь – ть – онъ*, образующих трехчленную дейктическую систему. Подобный подход нам кажется правомерным, поскольку XVII век – это период, когда о местоимении *онъ* нельзя однозначно говорить ни как о личном местоимении третьего лица (поскольку оно все еще продолжает употребляться как указательное), ни как об указательном местоимении (поскольку в текстах старорусской письменности XVII века, вне зависимости от жанровой принадлежности произведения, оно регулярно выступает в роли заместителя лица, не участвующего в диалоге, то есть в качестве местоимения третьего лица). Как отмечают исследователи¹, местоимение *онъ, она, оно*, выступая в роли личного местоимения третьего лица, уже в древнерусском языке стало отличаться от соответствующего указательного местоимения ударением. Различаются у них и морфологические характеристики (ср. *онъ – его – ему* и *онъ – оного – оному*). Судьба их в истории развития языка также была различной.

В первой части данного параграфа рассматриваются морфологические характеристики указательного местоимения *онъ, она', оно'*, используемого для указания на лицо, не участвующее в диалоге. В старорусских памятниках XVII века для указания на лицо, не участвующее в диалоге, употребляется контаминированная парадигма, состоящая из формы именительного падежа местоимения *онъ, она, оно* и форм косвенных падежей местоимения *и, я, е*. Формы именительного падежа местоимения *и, я, е* утратились в силу своей чрезмерной краткости и невыразительности. Изначально форма винительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде этого местоимения была омонимична форме именительного падежа, в винительном падеже женского рода единственного числа употреблялась форма *ю*, во множественном числе – мужской и женский род – *е*, средний род – *я*, то есть формы женского и среднего рода в винительном падеже омонимичны формам именительного падежа. Подобное употребление в редких случаях все еще можно встретить в памятниках старорусской письменности XVII века: *И пожив с мужем 10 лет по розлучении плотнем, и мужу ея преставльшуся, она же погребе и* (ед.ч., м.р.) *честно и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею* (“Повесть об Ульянии Осорбиной”).

Несомненно, употребление архаичной формы винительного падежа, омонимичной форме именительного падежа местоимения *и, я, е*, не было свойственно живому языку рассматриваемого периода; встречаются формы винительного падежа, омонимичные формам именительного, в основном, в житийной литературе, которой было свойственно стремление к сохранению архаичных форм.

¹ Черных П.Я. Язык уложения 1649 года. М., Издательство Академии наук СССР, 1953, с.44

¹ Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., Учпедгиз, 1952, с. 191

Дольше других, по-видимому, используется архаичная форма винительного падежа единственного числа женского рода *ю*, поэтому она довольно часто встречается в памятниках старорусской письменности XVII века: *И воздвиг десницу свою, и благословя ю*. (“Повесть об Ульянии Осорьбиной”).

Интересен тот факт, что в языке книжной литературы XVII века иногда наблюдается параллельное употребление и архаичной формы винительного падежа женского рода единственного числа, и новой формы, тождественной форме родительного падежа: *Прилучивши же ся ту людие овогда постигающе ея по край воды, а иногда в воде удержаваху, и извлекше ю на брегъ...* (“Повесть о Соломонии Бесноватой”).

В произведениях демократической литературы XVII века встречается и форма винительного падежа ед.ч. женского рода *ее*, которая в процессе развития языка закрепилась в современном русском языке: *...я есмь в сей пустыни многолетно пребываю и по вся дни ее сама назираю...* (“Сказание о куле и лисице”).

Во второй части данного параграфа рассматривается трехчленная дейктическая система древнерусского языка, в которую входили три указательных местоимения (*сь* – *тъ* – *онь*), в каком состоянии она находилась в XVII веке, а также пути и причины ее перехода в двучленную дейктическую систему современного русского языка (*этот* – *тот*).

Дейктическая система древнерусского языка была трехчленной, то есть выделялось три типа указания по степени удаленности. Указательное местоимение *сь* (*си*, *се*) указывало на предмет, близкий к говорящему, *тъ* (*та*, *то*) – на предмет, близкий к собеседнику, *онь* (*она*, *оно*) – на нечто отдаленное в пространстве или во времени. Трехчленная дейктическая система была унаследована древнерусским языком, как и другими славянскими языками, из праславянского языка. Л.П.Якубинский, говоря о трехчленной системе указательных местоимений, указывает на тот факт, что в языках так называемых “низших” обществ наличествовала еще более разветвленная дейктическая система¹. Эта старая громоздкая дейктическая система отмирает, когда человек начинает мыслить более абстрагированно, отвлеченными, обобщенными категориями. Так, в ходе исторического развития языка трехчленная система указательных местоимений древнерусского языка уступила место двучленной, которую мы наблюдаем в современном русском языке, где местоимение *этот* указывает на близкий, а *тот* – на отдаленный предмет.

В большинстве случаев, даже в книжно-письменных памятниках XVII века, трехчленная дейктическая система (*сь* – *тъ* – *онь*) уже не реализуется последовательно: она трансформируется в двучленную систему, где *сь* указывает на близкий, а *тъ* и *онь* – на далекий предмет. Таким образом, уже в XVII веке стерлось ранее существовавшее различие в употреблении местоимений *онь* и *тъ*. Как отмечает П.С.Кузнецов, “... если они выступают в одной и той же синтаксической функции, мы не всегда можем понять, почему в одном случае употреблено первое из них, а в другом – второе”². Достаточно ярко в старорусских текстах исследуемого периода выступает оппозиция *сь* – *тъ*. Причем *сь* в этой оппозиции указывает на предмет, близкий к говорящему в пространстве или во времени, а *тъ* – на предмет, отдаленный

¹ Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953, с. 189

² Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 137

в пространстве или во времени: *Человек бо той, праведне, и богоугодне, в заповедехъ господнихъ живый, а сици несть человецы, но змици и керасты, звериное...* (“Книга бесед” Аввакума); *...Но не сих ради готова трапеза наша бяше, но тех для, иже имут дары великия принести...* (“Сказание Авраамия Палицына”).

Вторая глава “Синтаксические особенности местоимений в старорусских памятниках XVII века” посвящена синтаксической роли местоимений в структуре старорусского предложения и текста.

Данная глава состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе рассматриваются синтаксические функции личных местоимений, которые во многом совпадают с их функциями в современном русском языке. Мы посчитали целесообразным особо остановиться на функционировании личных местоимений в качестве подлежащих, поскольку именно с этим связано дальнейшее развитие односоставных предложений спрягаемо-глагольного типа, а именно, определено-личных предложений.

В старорусском языке, в сравнении с современным русским языком, были более частотны односоставные определено-личные предложения. В первую очередь это связано с тем, что система форм прошедшего времени в старорусском языке имела личную парадигму. В результате в более древние периоды экспликация местоимения-подлежащего была избыточной. И хотя временная система старорусского языка к XVII веку уже претерпела кардинальные изменения, старые формы все еще употребляются в книжных повестях. И соответственно используются и определено-личные предложения. Однако было бы не совсем правильно объяснять наличие или отсутствие подлежащего при глаголе-сказуемом только лишь способностью или неспособностью последнего в той или иной своей форме указывать на лицо. Если основываться только на этом объяснении, то и в современном русском языке должна была наблюдаться следующая картина: местоимение-подлежащее присутствует только при глаголах прошедшего времени и в сослагательном наклонении, поскольку в них нет указания на лицо, в остальных же случаях, т.е. при глаголах настоящего времени и т.п., подлежащего-местоимения быть не должно. Между тем, мы видим, что дело обстоит совершенно не так. В старорусских текстах XVII века, вне зависимости от жанровой принадлежности произведения, местоимения-подлежащие часто отсутствуют при той форме глагола, которая указания на лицо не содержит, и, наоборот, присутствуют при форме глагола, которая сама в себе содержит указание на лицо. Все эти случаи уже не могут быть объяснены грамматически. Скорее всего здесь действуют прагматические правила. Так, двусоставные предложения с местоимением-подлежащим употребляются в текстах старорусских памятников XVII века тогда, когда это вызвано стремлением подчеркнуть субъект действия, противопоставить его другим лицам, то есть когда наличествует оппозиция “я – ты”, “я – он”, “я – вы”, “я – они” и т.п.: *Царь же ему отвечаваше: “Не рех ли ти прежде лютость жены твоя? Аз бо искусихя и веж жестокость ея. Ты бо единому се видель еси делние, азъ же колико летъ имам, теряя от нея и не ведыи, что сотвориши ей”*. (“Повесть о боярыне Морозовой”). Так, в приведенном отрывке налицо оппозиция “я – ты”. Причем показательно, что в первом предложении, там, где оппозиция отсутствует, местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом нет.

И.И.Фужерон в статье “Я-ли, не я-ли?”, говоря об оппозициях “я – ты”, “я – он”, и т.п. относительно современного русского языка выделяет также так называемую “мирную оппозицию”, подразумевая под этим “употребление “я” в предложениях,

описывающих ситуации с “распределением ролей”, когда действия и деятели не находятся в прямом противоречии¹. Довольно часто “мирная оппозиция” встречается и в текстах старорусских памятников рассматриваемого периода: *Господине мой великий княже, я не того ради приидох к тебе, но да ты от печали свободиши мя и прошения моего да не презриши...* (“Повесть о Тверском Отроче монастыре”).

Нередко в современном русском языке наличие *я* позволяет говорящему “выделиться из ансамбля, частью которого он является, подчеркнуть свою роль, показать, что инициатива принадлежит ему”². Подобные ситуации нередко наблюдаются и в старорусских текстах XVII века: *Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабил и не знаю, ни ведаю.* (“Повесть о Ерше Ершовиче”). В приведенном примере говорящий стремится доказать свою правоту: используя каждый раз *яз*, он как бы подчеркивает, что правда целиком и полностью на его стороне. Здесь присутствует и оппозиция “я – они”.

В современном русском языке наличие *я* часто делает высказывание более категоричным, иногда даже агрессивным, у говорящего присутствует сознание того, что главная роль, инициатива в данном диалоге принадлежит ему (либо он хочет уверить в этом себя и остальных). Очевидно, такое употребление имеет глубокие исторические корни: об этом неопровержимо свидетельствуют памятники, в данном случае, XVII века: *А хто родителей своих на добро учения не слушает, Того выучу я, Горе злочастное...* (“Повесть о Горе-Злочастии”); *За крещение свое я стану. Я крестился крещениемъ, что Никонъ патриархъ на соборе со архиереи исправилъ.* (“Вопросъ – ответъ старца Авраамия”).

Необходимо отметить еще один момент, связанный с наличием или отсутствием местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом. Этот момент связан со сменой плана повествования. Как отмечает И.Фужерон, “...переход от одного дискурсивного плана к другому, изменение направления, вплоть до разрыва в повествовании, сопровождается эксплицитным выражением местоимения-подлежащего при сказуемом”³. В старорусских текстах XVII века отмеченная особенность наблюдается достаточно часто: *Обещание мое всегда со мною, и никогда не выступаю из ограды. А наставникъ ми небесный отецъ, иже посла сына своего в миръ наставиши люди своя, да во истине его ходять. Прочее азъ васъ вопрошаю, скажите ми, что вина моего пришествия zde? Понеже яко на разбойника со многими оружиии пришедше, поиша мя, и держимъ за крепкимъ карауломъ, яко злодей*”. (“Вопросъ ответъ старца Авраамия”).

Во втором параграфе анализируются синтаксические функции возвратного местоимения в старорусском предложении XVII века.

Возвратное местоимение *себя* в старорусском языке, употребляясь после переходных глаголов, могло выражать значение возвратности. В языке памятников рассматриваемого периода местоимение *себя* со значением возвратности в структуре предложения относительно самостоятельно: так, оно может быть расположено в постпозиции или препозиции к глаголу, а также дистантно. Приведем

¹ Фужерон И.И. Я-ли, не я-ли? (Местоимение “Я” в роли подлежащего). // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Отв. ред. проф. Л.П.Крысин. М., Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова, 2006, с. 583

² Там же

³ Фужерон И.И. Указ. соч., с. 583

соответствующие примеры: *...велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна.* (“Повесть о Фроле Скобееве”); *и учаль гусей и лебедей стреляти, и серых птицъ, и темъ себя кормиль...* (“Сказание о Еруслане Лазаревиче”).

В тех произведениях старорусской литературы рассматриваемого периода, язык которых тяготеет к живому, встречается десемантизированное употребление возвратного местоимения в беспредложной форме дательного падежа в качестве частицы. *Аще и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко владыке.; Коли баба лиха, живи же себе одна!* (“Житие протопопы Аввакума”); *И он, крестьянской сын, в то ся дал, а учения не возприял себе и учал себе размышлять.* (“Сказание о крестьянском сыне”).

Краткая форма возвратного местоимения в винительном падеже могла участвовать в оформлении бесподлежащего предложения, сравнимого с современным двухкомпонентным предложением типа “Мне хочется”. Часто при этом *ся* находится в постпозиции по отношению к глаголу и отделяется от него другим местоимением, являющимся обозначением субъекта: *Не точио в день, но в ноць множицею хочет ми ся ясти, но срамляюся тебе просити.* (“Повесть об Ульянии Осорьинной”); *И падение оно помнихъ ми ся страшно. ; И се видит ми ся, яко един столп розвалися, и потече из него вода.* (“Повесть о смерти воеводы М.В. Скопина-Шуйского”).

В третьем параграфе рассматривается категория притяжательности и ее реализация в связном тексте XVII века посредством местоимений. В выражении категории притяжательности участвуют, в первую очередь, притяжательные местоимения, выражая разные типы неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности. Необходимо отметить интересный факт: в старорусских текстах XVII века слова, обозначающие неотчуждаемую принадлежность, в отличие от современного русского языка, почти всегда употребляются с притяжательным местоимением. Случаи употребления слов, обозначающих неотчуждаемую принадлежность, без притяжательного местоимения встречаются гораздо реже. *И вознуб князь от сна своего ...* (“Повесть о Тверском Отроче монастыре”); *И вострепета во мне сердце мое, и потокоша от очей моихъ слезы на землю, и нападе на мя печаль великая...* (“Жизнеописание Епифания”).

Идея неотчуждаемой принадлежности является одной из древнейших. Именно этим и объясняется то, что в текстах XVII века слова, обозначающие неотчуждаемые свойства человека, более употребительны с притяжательными местоимениями, чем те же слова в современном русском языке. Обобщенные понятия “рука”, “ум”, “чувство” являются производными от первичных сросшихся сочетаний “моя рука”, “мой ум”, “мое чувство” и т.п. Это подтверждается и наблюдениями над детской речью¹.

Важную роль в выражении категории притяжательности в текстах памятников XVII века играют также личные и возвратное местоимения, а также указательное местоимение *онъ*, так как принадлежность может выражаться формой личного, возвратного и указательного местоимения *онъ* в дательном падеже и предложно-падежной формой *у + родительный падеж*. Эти формы регулярно выступают в приименной позиции, дополняя обязательную семантическую валентность существительного. При этом на значение принадлежности накладываются другие

¹ Тер-Аракелян Р.А. Типология русского предложения. // Актуальные проблемы русского языкознания. Лекции для магистратуры. Ереван, 2004, с. 171

значения. В частности, принадлежность, выражаемая формой беспредложного дательного падежа, совмещается с семантикой предназначения: *Аввакум протопоп понужден бысть житие свое написати иноком Епифанием, - понеже отец ему духовной инок...* ("Житие протопопа Аввакума"). А в предложно-падежной форме *у + родительный падеж* личного, возвратного или указательного местоимения *онь* в составе именной группы наблюдается наложение семантики локативности на значение принадлежности: *...в руках у себя беса мучит...* ("Жизнеописание Епифания").

В четвертом параграфе рассматривается процесс становления сложноподчиненных предложений с придаточными определительными, так как важную роль в формировании последних сыграли именно указательные неличные местоимения. В старорусском языке XVII века наблюдаются разные способы выражения относительного подчинения: встречаются и такие конструкции, в которых относительная связь только намечалась, и конструкции, в которых относительная связь оформляется неличными местоимениями, выступающими в роли союзных слов. В данном параграфе подробно рассмотрены все эти разновидности, каждая из которых отражает различные этапы развития синтаксиса сложного предложения с относительным подчинением.

В первую очередь, необходимо отметить самые древние конструкции, которые отражают наиболее ранний этап формирования сложноподчиненных предложений с придаточными определительными. В сложных предложениях такого типа относительное подчинение между двумя простыми предложениями выражается не формально, а только характером смысловой связи между частями: второе предложение определяет имя в составе первого: *Есть у меня единая дочь, даю тебе в жену.* ("Повесть о купце").

Следующим этапом формирования сложноподчиненных предложений с придаточными определительными явились конструкции, в которых связь между предложениями уже находила слабое формальное выражение: здесь либо просто повторялось определяемое имя первого предложения (*И пришли на Лобное место, и на Лобном месте тот поп и чернецы евангелие чли и книги.* ("Записки о стрельцком бунте")), либо этот лексический повтор сопровождался указательным местоимением (т.е. относительная связь выражалась посредством местоименной группы, в состав которой входит указательное местоимение и определяемое существительное первого предложения). В подобных конструкциях лексический повтор имени служит всего лишь для связи предложений между собой, а выразителем еще только намечающегося относительного подчинения здесь является именно указательное местоимение, которое еще больше подчеркивает эту связь между частями сложного предложения. Чаще других указательных местоимений в составе подобных предложений употребляются указательные местоимения *тотъ* и *той*: *Князь же добежав с нуждею до перевозу и не имея что дати перевозчику, токмо бе у него на руке перстень злат, и тот перстень обещается дати за перевоз.* ("Повесть о начале царствующего града Москвы"); *Зделали стрельцы всеми приказы у Лобнова места столпъ каменной, и на том столпе со все четыре стороны прибили листы большия меденые лужоные.* ("Записки о стрельцком бунте").

Затем появляются конструкции, в которых повтор выражается только указательным местоимением, то есть имя во втором предложении не повторяется, опускается, остается только указательное местоимение. *Како уловлен бысть дестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит!* ("Повесть о Савве Грудцыне").

Позже появились предложения, в которых в препозитивной придаточной части содержатся местоимения *кто, что, который*, вторая часть подобных конструкций содержит указательное местоимение, выполняющее соотносительную функцию. Конструкции такого типа могли возникнуть из вопросительного предложения и примыкающего к нему ответа. С течением времени у вопросительных местоимений в таких предложениях развивается относительное значение. Таким образом, именно с конструкциями "вопрос - ответ" связано дальнейшее развитие предложений с относительным подчинением. *Которые у нас подковы отведены были за город для их приступного времени, и те наши подковы тайные все от множества их неизреченных сил не устояли, все обвалились.* ("Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков"); *Которые его были сынове и богомолцы, и те славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто реци, подавилися, и к тем врагом преклонилися, и творят его волю.* ("Новая повесть о преславном Российском царстве").

Как показывает материал памятников XVII века, на смену предложениям с препозитивной придаточной частью пришли конструкции с постпозитивной придаточной частью, в которой содержатся местоимения *который, иже (еже, яже, оже, аже), что, кой*. В этой группе предложений также можно выделить более ранние, переходные конструкции, в которых определяемое имя повторяется в обеих частях сложного предложения. Это происходит в тех предложениях, в которых местоимение еще не развилось в относительное союзное слово, заменяющее имя: *А указано у ратных людей быть воеводам, которые ратные люди были у великих государей.* ("Записки о стрельцком бунте").

Последним этапом в формировании сложноподчиненных предложений с придаточными определительными стали конструкции с постпозитивной придаточной частью, в которых определяемое имя не повторяется, так как относительное местоимение становится уже полноценным союзным словом, осуществляющим относительное подчинение придаточного предложения. В тех произведениях русской литературы XVII века, которые написаны языком, близким к живому, наибольшее распространение получили конструкции с придаточными определительными, присоединяемыми с помощью союзного слова *который*. Фактически, это те конструкции, которые стали господствующими в современном русском литературном языке: *Аз же приехав, отче, с сродниками своими в то царство, о котором они тебе возвещали и, умедлих на час, купив товару на четыреста рублей, которой стоит десяти тысяч.* ("Повесть о купце").

В данном параграфе рассмотрены также придаточные определительные, присоединяемые при помощи союзных слов *иже, яже, еже (оже)*, которые встречаются в основном в произведениях книжной литературы. Как уже было сказано выше, форма именительного падежа указательного местоимения *и, я, е* утратилась очень рано и вместо нее стала употребляться форма именительного падежа указательного местоимения *онь*. Однако форма именительного падежа местоимения *и, я, е* употреблялась в древнерусском языке в сочетании с частицей *же* в качестве относительных местоимений в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными. В ходе дальнейшего развития языка сложные предложения с союзными словами *иже, яже, еже* уступили место предложениям, в которых в качестве союзных слов употреблялось местоимение *который (которая, которое)*.

В пятом параграфе анализируется текстообразующая роль местоимений. Цепная связь представляет собой самый распространенный способ соединения

предложений в пределах текста, и соответственно в организации связного текста в старорусских памятниках XVII века активную роль играют местоимения, выполняя анафорическую функцию.

Мы классифицировали цепные местоименные связи в старорусских текстах XVII века по группам местоимений, используемых в организации связного текста.

I. Указательное местоимение *онь*, используемое для указания на лицо, не участвующее в диалоге.

В старорусском языке, как и в современном русском, указательное местоимение *онь*, используемое для указания на лицо, не участвующее в диалоге, выступало в анафорической функции. В случае анафорического употребления указательного местоимения *онь* очень важное значение имеют морфологические категории рода и числа, позволяющие оформлять отношения кореферентности. При этом синтаксическая роль субститута может изменяться: ...*тут бо орлы прилетают, да они абие тя растерзают.* ("Сказание о кура и лисице"); *Ермей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко государь помолиться за меня. И мне ево стало жаль.* ("Житие протопопа Аввакума").

II Указательные местоимения *сь* (*си, се*), *ть* (*та, то*), *онь* (*она, оно*).

A) Автономные формы

Указательные местоимения *сь*, *ть*, *онь* (как в односложных, так и в двусложных формах) могли использоваться автономно и замещать имя лица или предмета: *Егда же достигше 26 лет, вdana бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, и венчани быша от суцаго ту пона, именем Потопия, в церкви праведнаго Лазаря, в сем мужа ея. Сей поучи их по правилам святым закону Божию...* ("Повесть об Ульянии Осорбиной"); *Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погиль снисходит!* ("Повесть о Савве Грудцыне").

В приведенных выше примерах указательные местоимения выступали как предметные повторы. Местоимения *сей* и *тотъ* могут выступать и в качестве непредметных повторов. В этом случае местоимения *сие* и *то* в связном тексте XVII века являются субститутами не какого-то определенного предмета или лица, а целой ситуации, замещая одно или несколько предыдущих или последующих предложений. Непредметная форма указательного местоимения замещает целое предикативное высказывание: *Посем кадило нарядил и покадил образы и книги, и келию, и сени, и ино, и начал вечерню пети и псалмы, и каноны, и поклоны, и иное правило по преданию старца келейнаго, и продолжися правило до полуночи и болше (сие было до крещения Христова за два дни).* ("Жизнеописание Епифания").

B) Неавтономные формы

Помимо автономных форм в организации цепных связей между предложениями в старорусских текстах XVII века принимают участие также местоименные группы с именем существительным и неавтономным указательным местоимением.

Указательные местоимения *сей*, *тотъ*, *той*, *оний* могут сопровождать лексический повтор имени, первое упоминание которого в тексте характеризовалось специфической неопределенной референцией. Появление указательного местоимения *сей*, *тотъ*, *той*, *оний* при повторе сигнализирует о предупомянутости имени и в то же время придает ему статус сильной определенности. Фактически, в этом случае местоимения *сей*, *тотъ*, *той*, *оний* выполняют функцию, близкую к функции определенного артикля: *Се бо аз вижду, яко связастся юзами брани бесовския и сие, рече, не свободитесь юз сих, то не помогут вам сии юзы железныя, их же*

носите Христа ради. ("Повесть о боярыне Морозовой"); *Стоит дерево высоко и прекрасно, а на том дереве сидит кур велегласны, громогласны, громко распевае. И под то дерево, к тому сидящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говарить лестными своими словами, глядя на то высокое дерево.* ("Сказание о кура и лисице").

Часто в старорусских текстах XVII века в местоименных группах с лексическим повтором и местоимением *то* функция определенного артикля у местоимения *то* выходит на передний план. Показательна в этом плане "Повесть о Фроле Скобееве", в которой в некоторых отрывках *то* (препозитивное или постпозитивное) полностью выполняет функцию определенного артикля: *И по некотором времени случилос быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме, и в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нацоккина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тою мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему... ..И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой...*

Необходимо также отметить, что в старорусских текстах XVII века указательное местоимение *ть* и в полной, и в краткой форме употребляется в качестве постпозитивной частицы. Чаще всего постпозитивное *ть* употребляется после имени существительного, сигнализируя о большей определенности имени и его предупомянутости. Из всех исследованных нами памятников старорусской письменности рассматриваемого периода наиболее частое употребление постпозитивного *-ть* наблюдается в произведениях протопопа Аввакума: *Посмотри-тко на розжу-ту, на брюхо-то, никониянь, окаянной, - толсть ведь ты!* ("Книга бесед" Аввакума).

Подобное употребление указательного местоимения в постпозиции выразительно подчеркивает его артиклевую функцию. Таким образом, несмотря на то, что артикля в морфологической системе старорусского языка рассматриваемого периода не было, местоимение *-ть* тем не менее выполняло артиклевую функцию.

Местоименная группа с демонстративами *сей*, *тотъ*, *той*, *оний* появляется в связном тексте в старорусском языке рассматриваемого периода и тогда, когда контекста недостаточно для идентификации его элементов: *Соломония же от демонского мучения и томления и оть ран в недуг телесный впаде, и во един от дней мало усне от тоя болезни и виде во сне некоторую жену святолепну пришедшу к ней...* ("Повесть о Соломонии Бесноватой"). В приведенном примере у указательного местоимения *той* двоякая функция: во-первых, оно заменяют специфически неопределенную референцию определенной, а во-вторых, делает очевидной связь между синонимами *недуг* – *болезнь*.

Часто в старорусских текстах XVII века местоименная группа с указательными местоимениями *сей*, *тотъ*, *той*, *оний* замещает предыдущее (или – в случае катафорического употребления – последующее) предложение или его часть, а также группу предложений. *И глаголаше мне тако: "Елеазарь, аще когда приходите во святую церковь, приходите и поклоняйтесь образу Христа бога нашего со страхом и трепетом. Да сия глаголы моя и братии яви."* ("Житие Елеазара Анзерского").

Местоименная группа с указательным местоимением *сей*, *тот*, *оний* может выполнять функцию, близкую к лексическому повтору. Это происходит, когда сочетание с местоимением содержит в себе предыдущее предложение в свернутом

виде. В этих случаях местоимение сопровождается другой, более сложный способ организации цепных построений. Этот способ – повторы, сопровождающиеся грамматическими преобразованиями исходного слова. Такие повторы способствуют свертыванию предложения в слово или словосочетание таким образом, что производное слово содержит в себе основной смысл, “краткое резюме определенного события или ситуации”¹. *И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень, и завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею... Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверченъ камень, показа судии и поклонися.* (“Повесть о Шемякинском суде”). Структурная связь в приведенном отрывке следующая: *взя камень и завертев в плат → тот заверченъ камень.*

III. Указательные местоимения *такой, таковъ*

В текстах старорусской литературы рассматриваемого периода в организации цепной местоименной связи принимают участие и указательные местоимения *такой, таковъ*.

Выступая автономно, указательные местоимения *такой, таковъ* являются субститутами ситуаций, замещая одно или несколько предложений, то есть представляют собой непредметные повторы: *По мнозем же времени, абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери саввиной, яко сын ея живет неисправно и непорядочно, и елико было с ним отеческих товаров, все изнурил в блюде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слыша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани в дом отца своего.* (“Повесть о Савве Грудцыне”). Местоименные группы с местоимениями *такой, таковъ* могут относиться к группе предшествующих или последующих предложений: *Обычай же имеяше той Фома куплю деяти, отъезжая вчиз Волгою рекою овогда к Соли Камской, овогда во град Астрахань, а иногда за Хвалынское море в Шахову область отъезжал, куплю творяше. Тому же и сына своего Савву поучаше и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.* (“Повесть о Савве Грудцыне”), местоимения *такой, таковъ* могут сопровождать также девербативы, когда последние участвуют в организации цепных построений: *И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяше о лишении единородного сына своего. И в таковом сетовании Фома Грудцын поживе неколико время, ко Господу отъиде; жена же его оставшиися вдовою суци.* (“Повесть о Савве Грудцыне”). Структурная связь: *сетуя → в таковом сетовании.*

IV. Местоименные группы с именем существительным и притяжательным местоимением

Притяжательные местоимения не могут самостоятельно замещать употребленные в предложении существительные, “...они лишь указывают на связь с этими существительными, вводя новые, по отношению к которым они выступают в роли своеобразных анафорических определений”²: *И тако сам великий князь прииде на то место и виде его сияюща паче иных мест. Отрок же наки припадает к ногам его и молит, да повелит церковь создати деревянную и монастырь взградити.* (“Повесть о Тверском Отроче монастыре”).

Притяжательное местоимение может сочетаться и с отглагольным существительным. “Посессивы соотносятся с именами событий только в тех случаях, когда эти имена оформлены как полные номинализации (отглагольные существительные), а такие имена в зависимой позиции занимают места простых актантов”¹: *Лета 7161 (1653) августа в 4 день, при патриархе Никоне, царствующаго града Москвы собора Пресвятыя богородици, честнаго и славнаго ея явления чудотворныя иконы, иже во граде Казани...* (“Записки о жизни Ивана Неронова”).

Местоименная группа с притяжательным местоимением может содержать в себе предыдущее предложение в свернутом виде, участвуя в более сложном способе организации цепных построений – в повторах, сопровождающихся грамматическими преобразованиями исходного слова. Иными словами притяжательные местоимения сопровождают производные слова – девербативы. *А с ним казаков 24 человека, которые сидели в Азове городе от турок в осаде. И сиденью своему осадному привезли оне ростись.* (“Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков”). Отметим, что такой способ построения цепных связей между предложениями продуктивен и в современном русском языке: девербативы чаще сочетаются при организации цепных построений с притяжательными местоимениями, чем с указательными.

В Заключении представлены выводы, полученные при обобщении результатов исследования.

1. На протяжении эпох личные местоимения изменились сравнительно мало. Утратились формы двойственного числа личных местоимений, что связано с утратой категории двойственного числа вообще. В связи с тем, что с развитием языка стирались границы между употреблением полных и кратких (энклитических) форм, существование последних становилось излишним, и они были утрачены.

Что касается синтаксических функций личных местоимений, то здесь также произошло относительно мало изменений сравнительно с современным русским языком. Однако заслуживает внимания употребление личных местоимений в роли подлежащего. Согласно точке зрения, которая отражена в большинстве учебников по исторической грамматике русского языка, наличие или отсутствие местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом связано только с оформлением системы глагольных времен, то есть полностью зависит от того, способен ли глагол в той или иной своей форме указывать на лицо. Проведенный нами анализ старорусских текстов XVII века позволяет утверждать, что упомянутый фактор не является единственно решающим в вопросе о том, будет ли в предложении местоимение-подлежащее или нет. Здесь немаловажная роль принадлежит прагматингвистическим факторам, которым уделяется внимание при анализе современных определенно-личных предложений, однако они игнорируются при анализе диахроническом.

2. На протяжении истории языка в формах возвратного местоимения произошли определенные изменения. Поскольку с течением времени все больше стирались границы употребления между полными и краткими формами, наличие двух рядов форм, как и в случае с личными местоимениями, становилось излишним, и краткие формы были утрачены. Но сохранившаяся форма энклитики возвратного местоимения в винительном падеже сыграла важную роль в глагольной системе и перешла в особый постфикс *-ся (-сь)*, служащий для выражения залоговых отношений. Как показало наше исследование, в рассматриваемый период *ся* еще не является

¹ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., “Наука”, 1981, с. 182

² Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. М., “Высшая школа”, 1973, с. 60

¹ Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., “Наука”, 1975, с. 60

залоговой частицей, однако формирование ее, процесс трансформации местоимения *ся* в постпозитивную частицу *-ся* хорошо прослеживается на материале памятников XVII века, где можно наблюдать и слитное написание *-ся* с глаголом, и самостоятельное употребление *ся*. Таким образом, исследуемый период представляет собой переходный момент, когда употребление *ся* еще четко не определено: оно выступает и как краткая форма местоимения, и как постпозитивная частица.

3. Что касается указательного местоимения *онъ*, то здесь применительно к старорусскому языку XVII века необходимо говорить не об одном, а о двух местоимениях: о местоимении, используемом для указания на лицо, не участвующее в диалоге, и об указательном местоимении *онъ*, которое чаще выступает в форме *оний*.

Трехчленной дейктической системы, представленной местоимениями *сь – ть – онъ*, которую можно было наблюдать в древнерусском языке более раннего периода, в языке XVII века уже как таковой не существует, здесь можно наблюдать двучленную дейктическую систему *сь – ть / онъ*, причем *сь* указывает на близкий к говорящему предмет, а *ть* и *онъ* на отдаленный предмет. *Онъ*, все чаще употребляясь в роли личного местоимения третьего лица, с течением времени выходит из употребления как указательное местоимение, и в функции указания на отдаленный предмет закрепилось местоимение *тъ (том)*. Позже вместо местоимения *сь*, указывающего на близкий к говорящему предмет, стало употребляться местоимение *этом*, которое, однако, в текстах старорусской письменности XVII века еще не встречается. Таким образом, как показало наше исследование, в XVII веке только наметилась двучленная система указательных местоимений, которую мы наблюдаем в современном русском языке.

4. Древнерусское указательное местоимение *тъ*, которое в современном русском языке перешло в постпозитивную усилительно-выделительную частицу *-то*, в старорусских текстах рассматриваемого периода часто выступает в качестве постпозитивного определенного артикля.

5. Притяжательные местоимения в текстах старорусских памятников XVII века встречаются довольно часто, поскольку, как уже было отмечено, слова, обозначающие неотчуждаемую принадлежность, без притяжательного местоимения в старорусском языке XVII века почти не употребляются.

6. Указательные местоимения сыграли важную роль в формировании сложноподчиненных предложений с придаточной определительной частью. Проведенный анализ позволил установить, что в языке старорусских памятников XVII века можно наблюдать все этапы, которые предшествовали становлению сложноподчиненных предложений с придаточными определительными. Почти на всех этих этапах в составе еще неразвившихся конструкций с придаточной определительной частью наблюдаются указательные местоимения. Более того, в рассматриваемый период наличествовали также союзные слова, в состав которых входили указательные местоимения *и, я, е (иже, яже, еже)*. Как было показано, эти союзные слова вышли из употребления (в текстах XVII века их употребление уже ограничивается рамками книжного языка), на смену им пришли союзные слова *который, которая, которое*.

7. Цепная связь является самым распространенным способом соединения предложений в пределах текста как в современном русском языке, так и в языке старорусских памятников XVII века. А местоимения, как было показано, благодаря своей анафорической функции, играют очень важную, можно сказать, главенствующую роль в организации цепных построений: они выступают автономно, замещая имена лиц, предметов и событий; выступая в местоименных группах, они

сопровождают такие способы построения цепных связей, как лексический повтор, перифраза и производные слова. Исследование памятников старорусской письменности XVII века показало, что все те способы построения цепных связей, которые мы наблюдаем в современном русском языке, существовали уже в старорусском языке. С течением времени все рассмотренные способы организации связного текста претерпели определенные изменения, связанные с изменениями, происшедшими в системе местоимений вообще. Так, в ходе развития языка вышли из употребления местоимения *сей, той, оный*. Такой способ организации связного текста как транспозиция предложения или словосочетания в слово в старорусских текстах рассматриваемого периода сопровождали как указательные, так и притяжательные местоимения, тогда как в современном языке наблюдается их преимущественное употребление с притяжательными местоимениями, а девербативы с указательными местоимениями встречаются реже. Кроме того, в современном русском языке указанный способ связи предложений в тексте осуществляется часто не просто с помощью дериватов, а с помощью контекстуальных дериватов. Таким образом, с течением времени способ связи предложений при помощи производных слов стал настолько продуктивным, что в качестве средств связи стали выступать не только производные слова, уже существующие в языке, но и слова-окказионализмы, так называемые “сиюминутные” слова.

Исследование системы местоимений как очень важной части речи в старорусский период развития языка показывает, что эта система в определенной степени отличается от собственно древнерусской и современной системы местоимений и представляет собой самостоятельную систему. Однако необходимо подчеркнуть, что именно в рассматриваемый период в системе местоимений устанавливаются те особенности, которые в значительной мере свойственны и местоимениям современного русского языка.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Личные местоимения в древнерусском языке // Русский язык в Армении, Ереван, 2006, N III – IV, с. 50- 60
2. Роль местоимений в текстовом выражении категории притяжательности в древнерусском языке XVII века // Русский язык в Армении, Ереван, 2008, N V, с. 31-37
3. Местоимение *онь* в древнерусском языке XVII века // Լեզուն և գրականությունը գիտական իմացության ժամանակակից հարացույցում: Երևան, “Լուսակն”, 2009 թ., էջ. 84-87
4. Постпозитивное *-ть* в древнерусских текстах XVII века и его историческая судьба // Лингвистические исследования, выпуск 2, Ереван. Изд-во ЕГУ, 2009, с. 50-56

Դերանունները հին ռուսերենի XVII դարի հուշարձաններում

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ատենախոսության արդիականությունը պայմանավորված է նրանով, որ դերանունների ուսումնասիրությունը պատմական տեսակետից նպաստում է ժամանակակից ռուսերենում նրանց ձևաբանական և շարահյուսական գործածության առանձնահատկությունների ճիշտ ըմբռնմանը:

Աշխատանքի նպատակն է բազմակողմանիորեն հետազոտել դերանունները XVII դարի հին ռուսերենում, ցույց տալ այն գործընթացների ժառանգորդական բնույթը, որոնք տեղի են ունեցել դերանունների համակարգի զարգացման ընթացքում, ցույց տալ, որ դերանունների գործածության այն առանձնահատկությունները, որոնք առկա են ժամանակակից ռուսերենում, պատմական խոր արմատներ ունեն:

Ատենախոսության գիտական նորույթն այն է, որ դերանունները, լինելով բազմաթիվ գիտական աշխատությունների ուսումնասիրության առարկա ժամանակակից ռուսաց լեզվի նյութի հիման վրա, բավարար ուշադրության չեն արժանացել պատմական զարգացման տեսանկյունից: Դերանունների տարժամանակյա ուսումնասիրությանը շատ քիչ աշխատություններ են նվիրված. հիմնականում ուսումնասիրվել են նրանց ձևաբանական առանձնահատկությունները, այնինչ շարահյուսական գործառույթները բավականաչափ ուսումնասիրված չեն, իսկ նրանց տեքստակազմական գործառույթներն առանձին ուսումնասիրության առարկա չեն եղել: Այդ իսկ պատճառով սույն աշխատության մեջ խնդիրներից մեկը համարվեց դերանունների ձևաբանական առանձնահատկությունների ուսումնասիրությունից բացի, հատուկ ուշադրություն դարձնել նաև XVII դարի հին ռուսերենի տեքստերում և հին ռուսերեն նախադասություններում դերանունների ունեցած գործառույթներին:

Աշխատանքի տեսական նշանակությունն այն է, որ XVII դարի հին ռուսերենի բազմաժանր հուշարձանների վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս բացահայտելու ռուսաց լեզվի համակարգում դերանունների զարգացման ընդհանուր օրինաչափությունները: Դերանվանական համակարգում փոփոխությունները պայմանավորված են նրանով, որ իշխող գրական լեզու են սկսում թափանցել նոր տարրեր: Դերանվանական համակարգի փոփոխությունները այն գործընթացների արտացոլումն են, որոնք ընդհանրապես տեղի են ունեցել ռուսերենի ձևաբանական համակարգում:

Աշխատանքի գործնական արժեքն այն է, որ նյութերը և հետազոտության եզրակացությունները կարող են օգտագործվել ռուսաց լեզվի պատմության դասագրքեր և ուսումնական ձեռնարկներ ստեղծելիս և պատմական քերականությանը վերաբերող այլ ոլորտներում: Տվյալ նյութը կարող է ներառվել

ուսաց լեզվի պատմական քերականության, ուսաց լեզվի պատմության մասնագիտական սեմինարներում: Ուսումնասիրված նյութը կարող է օգտակար լինել նաև ժամանակակից ուսերենի շարահյուսության և ձևաբանության դասընթացներում, քանի որ, չնայած ուսաց լեզվի ձևաբանական և շարահյուսական համակարգում տեղի ունեցած փոփոխությունների, այն հիմնավորում է պատմական խոր արմատներ ունեցող և այսօր ժամանակակից ուսերենում առկա երևույթները:

